

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

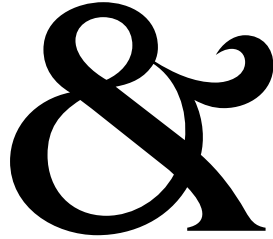
Читайте романы Натальи АЛЕКСАНДРОВОЙ в серии «Артефакт & Детектив»:

Хранитель Чаши Грааля
Клавесин Марии-Антуанетты
Сокровища Ирода
Завещание алхимика
Кинжал всевластия
Шкатулка Люцифера
Клад Наполеона
Тайна золота инков
Последний ученик да Винчи
Волшебный город
Талисман египетской царицы
Легенда о «Ночном дозоре»
Венец Чингисхана
Проклятие Осириса
Последняя загадка Ивана Грозного
Маска Нерона
Медальон инквизитора
Табакерка Робеспьера
Дублон капитана Флинта
Зеркало Лукреции Борджиа
Клинок князя Дракулы
Перстень Екатерины Великой
Ожерелье казненной королевы
Ларец графа Сен-Жермен
Монета Александра Македонского
Приворотный амулет Казановы
Наследство Марко Поло
Меч с берегов Валгаллы
Звезда Ассирийского царя
Золото Атлантиды
Осколок Тунгусского метеорита
Волшебный компас Колумба
Неизвестный шедевр Рембрандта
Амулет снежного человека

Сериал «Венецианский квартет. Крест святого Петра»

Таинственный сапфир апостола Петра
Магический камень апостола Петра
Огненный рубин апостола Петра
Священный изумруд апостола Петра

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Священный
изумруд
апостола
Петра**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление серии *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Священный изумруд апостола Петра : роман / Наталья Александрова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-85515-5

Этот камень Рагнар нашел в великом, но разграбленном варварами Риме, в подземном склепе, где был похоронен христианский святой. На груди у мертвого святого был крест с четырьмя драгоценными камнями. Четверо воинов-германцев поделили их между собой и разошлись в разные стороны. Рагнару, который отправился на север и прибил к викингам, несказанно везло — несколько раз в минуту верной гибели ему удавалось спастись!.. Аня Углова, которой умирающий археолог отдал найденную в древнем захоронении серебряную ладанку с наказом беречь ее как зеницу ока, сначала просто позабыла о ней. Однако когда с ней стали происходить странные вещи — нападения и попытки ограбления, — Аня вспомнила о ладанке. Ее подруга Агния Иволгина, которая волею судьбы стала хранительницей трех из четырех пропавших в древности камней, взяв в руки находку археолога, сразу поняла, что жизнь вновь свела ее со священной тайной апостола Петра...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85515-5

© Александрова Н.Н., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

*Т*яжеловесный, приземистый драккар медленно плыл вдоль скалистого берега, поросшего чахлым редким кустарником.

Нос драккара украшала грубо вырезанная из дерева голова дракона. Впрочем, «украшала» — не совсем правильное слово. Голова дракона с оскаленной пастью и красными выпученными глазами скорее была призвана устрашать врагов, устрашать всех, кто увидит перед собой выходящий из тумана длинный корабль Хакона Секиры — морского конунга, известного всем прибрежным жителям своим неукротимым нравом, своей жестокостью.

Драккар Хакона медленно плыл вперед, разрезая форштевнем свинцовые воды. Борта его покрывали разноцветные щиты викингов, как чешуя покрывает тело дракона.

Сам Хакон стоял на носу корабля, позади драконьей головы, и нетерпеливо вглядывался в морскую даль. Впрочем, видимость была плохой: низко над морем стелилось серое покрывало тумана, похожее на лохмотья нищего бродяги.

Воины, которых Хакон повел за собой в этот далекий поход, отдыхали на низкой палубе драккара. Мо-

лодой скальд Эгиль Длинноволосый перебирал струны своей арфы и тихим голосом напевал старую песню о походах и сражениях. Кто-то слушал его, кто-то точил свой меч. Бывалые викинги, ясени битвы, как именовали их скальды на своем цветистом языке, прошли огонь, воду и медные трубы. Они верили своему конунгу и ждали от будущего славных битв и богатой добычи. Среди них наособицу держался хмурый германец по имени Рагнар: он тоже был опытным воином, на его счету было множество убитых врагов, но прежде ему не доводилось участвовать в дальних морских походах.

Он прошел через много земель, бывал и на далеком юге, и на таинственном востоке, побывал даже в великом городе Рима — точнее, на его развалинах, поросших густым кустарником и обжитых дикими зверями, и вот теперь в поисках новых приключений, новой славы и новой добычи присоединился к отряду викингов.

Впереди, на расстоянии полета стрелы от корабельного носа, берег плавно изгибался, образуя каменный мыс. Там, за этим мысом, лежали неведомые земли, земли, где Хакону не приходилось прежде бывать. Хакон не боялся неизвестности, напротив, она будоражила его, заставляла кровь кипеть в предчувствии славных сражений и богатой добычи.

Кормчий Олаф повернул тяжелое кормовое весло, налегая на него грудью. Драккар качнулся, заскрипел, медленно разворачиваясь, и обошел мыс.

Покрывало тумана начало медленно подниматься, словно отдернутое могучей рукой восточного ветра. И там, за этой пеленой, Хакон увидел корабль.

Корабль этот не был похож на славные драккары викингов. На его высоком носу красовалась фигура воинственной женщины, похожей на деву-валькирию,

пузатые бока поднимались высоко над водой, словно корабль подминал под себя море. Главное же — вместо квадратного серого паруса драккара над кораблем поднимались огромные белые паруса, раскинутые в стороны, словно крылья неведомой птицы.

На носу незнакомого корабля стоял воин огромного роста, облаченный в медвежью шкуру. Голова медведя была надета на его голову наподобие боевого шлема, и оттого казалось, что у незнакомца четыре глаза, с яростью взирающие на викингов. В руке у воина-медведя была огромная секира, какую, казалось, не смогли бы поднять два самых сильных викинга. Его косматая борода развевалась по ветру.

Хакон не испугался при виде этого великана: его сердце не знало страха, только жажду битвы, и чем страшнее соперник, тем больше славы эта битва принесет. Хакон выпятил грудь и крикнул хриплым могучим голосом, каким не раз перекрывал рев бури:

— Кто ты, облаченный в медвежью шкуру? Отчего ты стоишь на моем пути?

Огромный воин выкрикнул что-то в ответ, но Хакон ничего не понял: воин-медведь говорил на неведомом ему языке.

Тогда Хакон снял с борта драккара свой щит и повернул его к встречному кораблю внутренней, белой стороной: это означало предложение мира.

Однако воин-медведь не внял его предложению: он легко, как пушинку, поднял свою огромную секиру и закрутил над головой.

Это было нарушением древнего ритуала: в ответ на предложение мира незнакомый воин мог либо принять его, показав свой щит также белой стороной, либо отвергнуть, повернув внешней, красной, расписанной зверями и чудовищами. Впрочем, Хакон понял

главное: огромный воин не собирается уходить с его пути, не собирается пропустить его в неведомые земли, а значит — слава Одину, — битвы не миновать.

— К бою, ясени битвы! — рывкнул Хакон, поднимая над головой свой верный меч. — К бою, и да будет с нами сила Одина!

Викинги повскакали со своих мест, хватая мечи и секиры, снимая с бортов драккара свои щиты, надевая тяжелые шлемы, украшенные бычьими рогами. Рагнар повесил щит на плечо, приготовил к бою свой верный меч по имени Быстрый Огонь, встал к борту драккара рядом с бывальыми викингами.

Парус драккара наполнился ветром, и корабль викингов устремился навстречу врагу. Пузатый корабль воина-медведя тоже прибавил ходу, и вскоре два корабля шли навстречу друг другу, как два могучих лося во время гона.

Казалось, еще мгновение — и корабли столкнутся форштевнями, драконья голова на носу драккара ударится в грудь девы-воительницы, но в последний миг кормчий Олаф повернул руль, и драккар заскользил вдоль борта вражеского корабля.

Викинги, в чьих руках были абордажные крючья, ловко забросили эти крючья на борт пузатого корабля, натянули канаты, стягивая корабли бортами.

Вражеский корабль был намного выше драккара, что давало противникам некоторое преимущество. Викинги все еще не видели своих врагов, за исключением их предводителя: те были скрыты высокими бортами своего корабля.

И вдруг из-за этих бортов на драккар посыпался дождь стрел.

Стрелы эти летели, издавая в полете пугающий, отвратительный вой, словно злобные ведьмы Рагнарё-

ка, и вонзались в викингов, нанося им страшные раны. Сосед Рагнара, которому такая стрела попала в плечо, выдернул ее и оглядел с изумлением: у этой стрелы был тройной наконечник, как у маленького трезубца, отчего стрела оставляла страшную кровоточащую рану.

Дождь стрел прекратился так же внезапно, как начался, и в то же мгновение воины врага показались над бортом корабля.

Вид их был устрашающим: косматые бороды, звериные шкуры, лица, покрытые черной и красной краской. Вооружены они были длинными кривыми мечами, которыми размахивали, как мельницы крыльями. Вдобавок они закричали страшными звериными голосами.

Но викинги не испугались, они бросились вперед, стремясь вскарабкаться на борт вражеского корабля.

Закипела кровавая битва.

Тяжелые прямые мечи викингов с громким лязганьем скрещивались с кривыми мечами врагов. То и дело взвизгивали трехконечные стрелы, разя викингов. Одна из этих стрел ударила Рагнара в грудь. Не почувствовав боли, Рагнар посмотрел на стрелу.

Стрела даже не ранила его, она застряла в одежде, точнее — в кожаном мешочке, который Рагнар носил на груди.

В этом мешочке германец носил самое дорогое свое сокровище: прекрасный камень, полупрозрачный и зеленый, как полуденное море южных стран.

Этот камень Рагнар нашел в великом городе Рима, в подземном склепе, где был похоронен христианский святой. На груди у мертвого святого был крест с четырьмя драгоценными камнями, и четыре воина-германца поделили эти камни между собой. Рагнару достался этот, зеленый камень...

Однако сейчас был не самый лучший момент, чтобы предаваться воспоминаниям. Битва, которую скальды называют на своем языке вьюгой копий, кипела.

Хакон привел себя в боевую ярость берсерка и врубился в самую гущу врагов, сражаясь двумя мечами, не обращая внимания на кровоточащие раны. Косматые вражеские воины облепили его, как собаки медведя, и пытались столкнуть в воду.

Вода в узком зазоре между драккаром и кораблем противника покраснела от крови и кипела, как котелок над огнем: там бесновались хищные рыбы, ожидая поживы.

Рагнар перепрыгнул этот кровавый зазор, вскарабкался на борт вражеского корабля — и тут столкнулся лицом к лицу с вождем врагов, воином-медведем. Тот поднял над головой свою огромную секиру, лицо его исказилось свирепой гримасой ярости. Рагнар пригнулся, отступил в сторону и взмахнул мечом по имени Быстрый Огонь. Меч оправдал свое имя, полоснув косматого гиганта по боку. Но тот, словно не почувствовав этого удара, бросился вперед. Огромная секира взмахнула в воздухе. Она рассекла бы Рагнара надвое, но тот поскользнулся на залитой кровью палубе и упал за борт.

Ледяная вода обожгла его, дыхание зашлось, как от сильного удара в живот. Рагнар попытался ухватиться за борт драккара, но руки соскользнули с окровавленного дерева, и он ушел под воду под тяжестью своих доспехов.

— И вот, пошел я в университет, — говорил Сиротин, широко размахивая руками, так что вода из ведра лилась ему на худые загорелые ноги, — все честь по чести, созвонился с профессором Пухо-

вым, так и так, говорю, хотел бы вам кое-что показать, есть у меня кое-какие соображения, если все подтвердится — это будет настоящая сенсация! Весь научный мир перевернется с ног на голову! Ну, прихожу я туда... рассказывал я тебе про это?

— Сто раз уже, — фыркнула Аня и отобрала у Сиротина ведро, там и так уже половина воды осталась.

Он не заметил, стал еще сильнее размахивать руками.

— Ну, значит, прихожу я в комнату номер девятнадцать, а там сидит какой-то хмырь в костюме и в очочках таких узких. Это вы, говорит, насчет очередного кургана в Новгородской области? Ну, я, говорю, а вы-то кто? Вроде бы на профессора Пухова не очень смахиваете, я его по телевизору видел, на канале «Культура». Вот-вот, говорит, в этом все дело и есть. Как только подрядился профессор цикл передач вести на канале «Культура», так ему прохода не дают, каждый норовит про свои изыскания и открытия рассказать. И каждый уверен, что нашел не меньше чем могилу Аттилы или руки от Венеры Милосской. Причем у себя в огороде, чтобы далеко не ходить.

Аня не удержалась и хмыкнула, представив, как Сиротин приделывает руки статуе Венеры Милосской. Сиротин, ушедший вперед по тропинке, повернулся и посмотрел на нее внимательно, даже борода у него вздыбилась. Аня тут же сделала глуповатое выражение лица и захлопала глазами.

Не помогло, Сиротин смотрел пристально, словно видел ее насквозь. Придется менять тактику.

— Что пялишься? — визгливо заорала Аня. — Что вылупился на меня? Борода седая, а туда же,

так и норовишь под юбку залезть! Все вы, мужики, одинаковые!

— Да кому ты нужна-то! — вздохнул Сиротин, пренебрежительно махнув рукой. — Пойдем, уж, должно быть, наши вернулись. Эх, Анюта, хорошая ты баба, только с головой совсем не дружишь. Вот скажи, откуда у тебя синяк свежий? Опять вчера напилась и на сучок налетела?

— А твое какое дело, — буркнула Аня, — ты мне кто — муж? Или папаша родной?

— Упаси бог от такой доченьки! — всерьез испугался Сиротин. — Еще прибьешь ненароком. Очень ты, Анюта, злая, неконтактная. Тяжело с тобой...

— Знаю я ваши контакты!

Тут они пришли наконец в лагерь, и Сиротин ушел в палатку к своим записям. Было тихо, только хромой Федор что-то мастерил у подножия кургана. Аня простирнула кое-что в старом тазу с отбитой эмалью, помешала в закопченном котле, который стоял на самодельном очаге, затем сложила белье в корзину и пошла к реке.

— Эй, девка, не сгорит у тебя варево-то? — окликнул ее Федор.

— Не, там, в костре, одни угли остались. — Аня махнула рукой и ступила на тенистую тропинку.

Однако через несколько шагов поставила корзину и вернулась тихонько назад. Ничего не изменилось — Федор все так же строгал дощечку, из палатки доносился голос Сиротина, наговаривающего на диктофон свои наблюдения и заметки. Ну, этот-то теперь часа два бубнить станет, ничего не заметит. Немножко не понравился Ане взгляд Федора — слишком хитроватый. Все похохатывает, да похмыкивает, а сам нет-нет, да глазами зыркнет. Небось

спереть что хочет по мелочи. Хотя пока за ним такого не водилось.

Да, откровенно говоря, и брать-то у них в лагере нечего. Денег ни у кого нет, инструментов дорогих тоже, лопаты да топоры, вот и все имущество. У Сиروتина диктофон и фотоаппарат простенький. Нечем, в общем, поживиться.

Аня снова развернулась и пошла по тропинке, подхватив корзину. Спустившись к речке, она не стала располагаться на камнях, а свернула в сторону и юркнула в кусты. Продралась неслышно сквозь заросли и оказалась на небольшой полянке, даже со стороны реки ее скрывали высокие камыши. На полянке никого не было, слышно было только, как гудит мохнатый шмель в цветке купальницы. Аня присела на корточки и прислушалась. Ага, вот едва слышно хрустнул сучок, пискнула мелкая пичуга.

— Привет, — сказала Аня, повернувшись лицом к лесу.

И именно с той стороны появились две фигуры в пятнистой одежде.

— Привет, — ответил Лис мрачно.

Все ясно, усмехнулась мысленно Аня, злится, что не сумели они подойти к ней незаметно. Ну, чисто как дети, ей-богу!

— Анюта, дак ты тут? — дурашливо осклабился Зюзя. — Привет тебе, привет!

И раскланялся чуть не до земли.

— Рожу-то зачем разрисовал? — спросила Аня насмешливо. — Чай, не в джунглях.

— Из интереса, — признался Зюзя, — девок пугать. Да только никого тут, кроме тебя, нет, а тебя пугать — пустое дело.

— Это точно, — согласилась Аня.

— Кончай трепаться, — хмуро буркнул Лис, — по делу говори. Новости есть?

— Нет, — вздохнула Аня, — пока все по-старому.

— Фигня все это, — убежденно сказал Зюзя, — зря только время теряем. Ничего этот ненормальный не найдет. Дурак он.

— Да не дурак, раз сумел Басаргина заинтересовать, — возразила ему Аня.

— Без фамилий, — шикнул Лис, — поменьше болтай!

Аня понимала — мужики злые оттого, что торчат здесь пятый день в полной дикости. Ни поесть горячего, ни помыться толком. Палатку и то не поставить, спят, как звери, в яме. Парни, конечно, ко всему привычные, лишь бы дело выгорело. Но это как раз и неясно. У Ани и у самой сомнения есть, а ведь она две недели уж здесь торчит. Осточертело все, но работа есть работа.

Наняли их для того, чтобы к Басаргину поближе подобраться. Богатый он мужик и, по слухам, сволочь первостатейная. Конкурента ему подставить — раз плюнуть, компаньона обдурить, по миру пустить — маслом по сердцу.

Ну, Аня в эти дела не вникает, у них задача — Басаргина взять тихо, без шума, и доставить куда надо. Один большой человек с ним поговорить хочет. А что уж потом будет — их не касается. Но Басаргин — хитрый черт, опасность за версту чует, знает небось, что полно людей, которые на него зуб имеют. Поэтому в городе к нему не подобраться без шума — охрана у него серьезная. Семья за границей, постоянной любовницы нету — так, девицы случайные время от времени.

Одна у него слабость — клады любит искать. В детстве, верно, в пиратов не наигрался. Хотя, по

рассказам, Басаргин такая сволочь, что сомнение некоторых берет, было ли у него детство.

В общем, дает он деньги на разные такие предприятия. Корабль, затонувший в восемнадцатом веке в Финском заливе с грузом золотых монет, отыскали на его деньги, клад, атаманом Стенькой Разиным зарытый, тоже нашли, теперь вот это чучело Сиротин сумел его заинтересовать могилой в кургане.

Дескать, должна быть тут могила знатного викинга, заходили они сюда, про это точно известно. Находят хорошо сохранившиеся следы, но Сиротин высчитал, что должна быть где-то в этих местах богатая могила вождя. Подвинулся на этой мысли, доказательства приводил, по его словам, неопровержимые.

Ну, Аня про это не слишком понимает, да только ученые ему все равно не верили. Поперли его из университета, как дилетанта и авантюриста. Тут как раз он с Басаргиным и сговорился. Про это быстро известно стало — Сиротин же болтал направо и налево о том, что раскопки сам Басаргин финансирует, вот и поставили перед Аней с товарищами задачу — караулить Басаргина на раскопках. Потому как точно известно, что азартный он, как только узнает, что нашли могилу, — сразу же появится, чтобы на месте все рассмотреть.

И кучу охраны с собой не потащит, а уж с двумя-тремя Лис с Зюзей справятся. Ребята надежные, не первый раз вместе работают. Лис — мужик серьезный, в таких переделках побывал, что одному человеку и не представить; Зюзя, хоть и любит дурака повалить, в деле хорош, можно на него положиться.

Аню заслали пораньше — для предварительной прикидки. Устроилась она поварихой, а чтобы му-